

Наложница Сянь в то время была беременна. Услышав эти слова, она впала в уныние, случился выкидыш, а затем началось кровотечение, и она скончалась. Переполненный чувством вины перед родом Лю, Сяо И взял в жёны её младшую сестру, уже через два года пожаловал ей титул драгоценной наложницы, а после рождения шестого принца Сяо Юньсяна возвёл в ранг наложницы Чэнь. Хотя она и управляла внутренними покоями, все эти годы самой любимой наложницей Сяо И была драгоценная наложница Лань из рода Инь. Больше всех недоумение вызывало то, что Сяо И отдал сына императрицы Цзяюань, Сяо Чэна, на воспитание именно Наложнице Чэнь. Он же знал, что Наложница Сянь умерла из-за истории с императрицей Цзяюань. Подобный поступок вызвал пересуды и при дворе, и за его пределами. Впрочем, раз Сяо Чэн был законным старшим сыном, его и должен была воспитывать наложница высочайшего ранга.

Теперь Наложница Чэнь явилась с ночной трапезой — явно неспроста. Сяо Цянь нахмурился и развернулся прочь.

Он покинул Чертог Двойного Великолепия, не зная, куда направиться. Целый принц, а бродит по дворцу, и нет ему места. Подумав, решил всё же навестить Сяо Ляна во Дворце Луны над Хуай, но у ворот слуги доложили, что принц уже почивает. Тогда он откланялся и направился в свою резиденцию — Обитель Спутника Циляня.

Свою резиденцию он получил с именем, лично данным императором. Название было дерзким, вызывающим пересуды, но раз уж это был высочайший указ, никто ничего поделать не мог. Внутреннее убранство и вовсе было роскошным, почти как у Сяо Чэна. Остальные принцы были ещё малы. Сяо Чэн же был прямодушен и не придавал этому значения, Сяо Цзе — горяч и не обращал внимания на мелочи, Сяо Чжэн считал его старшим братом и полагал такое положение естественным, а Сяо Цзюэ с детства был к нему привязан и только радовался, видя отцовскую милость. Лишь Сяо Юньсян, хоть и неразговорчивый, везде противостоял ему и Сяо Цзюэ.

Едва Сяо Цянь переступил порог Обители Спутника Циляня, как увидел на своём ложе спящего человека. Слуги уже хотели доложить, но он жестом велел им удалиться.

Осмелиться заснуть в его покоях без спроса мог только один человек — Сяо Цзюэ. Тот полусидел, склонив голову — видимо, устал ждать и задремал. Сяо Цянь тихо накрыл его вышитым покрывалом, а сам сел за письменный стол и принялся выводить иероглифы.

Писал он одно и то же: «Спроси, сколько в тебе печали, — словно в реке весенней воды, что на восток течёт». Написал — смял, выбросил, взял новый лист — и снова то же самое. Бесконечно.

— Старший брат, о чём ты тоскуешь?

Голос Сяо Цзюэ раздался за спиной. Сяо Цянь вздрогнул, кисть замерла. Он обернулся и увидел серьёзное лицо брата.

— Ни о чём, просто пишу. Пятый брат, возвращайся в свои покои.

— Я прождал тебя весь вечер, и это всё, что ты скажешь?

— Тогда... благодарю за ожидание. Что-то случилось?

— Я просто хотел тебя повидать. Ты ведь вчера у Дворца Хранения Изящества что-то подслушал, поэтому и не вошёл?

— Что ты, брат. К тому же Наложница Шу — моя матушка, что бы она ни говорила — неважно. Ступай.

— Хорошо. Тогда я возвращаюсь в Павильон Изумрудных Вод.

Сказав это, Сяо Цзюэ шагнул к выходу. Он думал, что брат его остановит, но тот даже не пошевелился.

— Пятый брат, думал ли ты, что однажды сможешь стать наследником престола, а то и вовсе занять трон?

— Разве есть среди детей императора такие, кто об этом не думает?

— Верно. Будь у меня такая возможность, я бы тоже думал.

Слова Сяо Цяня заставили Сяо Цзюэ резко обернуться. — Старший брат, что с тобой?

— Ничего. Я просто хочу, чтобы у тебя всегда была такая возможность.

Сяо Цзюэ пристально смотрел на него, долго, а потом медленно произнёс:

— Ты так думаешь?

— Да.

— А знаешь, что я подумал, когда увидел твои строки?

— Если хочешь сказать — я слушаю.

— Ты много раз написал: «Спроси, сколько в тебе печали». А я отвечу тебе: «Лишь тоска подобна ей — с юга на север, в ожидании твоего возвращения».

Сяо Цянь вскочил. — На свете нет ничего совершенного. Реки текут на восток, и весенние воды юга и севера — не исключение.

— Старший брат, будь я правителем, что в Поднебесной я не смог бы свершить? — С этими словами Сяо Цзюэ вышел, не дожидаясь ответа.

В Золотом зале для аудиенций восседал на троне государь нашего времени, император Яньци Сяо И. Лицо его было гневно, все сановники стояли на коленях, никто не смел вымолвить слово. Евнух Чжан, видя, как накаляется обстановка, поднёс чай, поставил рядом и замер.

Сяо И отхлебнул, помолчал и наконец произнёс:

— Хватит стоять на коленях, поднимитесь и говорите. Великий наставник Цзи, генерал Гу, неужели вопрос о наследнике и впрямь настолько не терпит отлагательств, как вы говорите?

Сановники медленно поднялись, не смея поднять глаз. Великий наставник Цзи, держа нефритовую табличку, сказал:

— Докладываю вашему величеству, этот старый слуга лишь опасается, что чем дольше тянется дело, тем больше возникает осложнений. Потому и надеюсь, что ваше величество примет решение поскорее.

— О? А по вашему мнению, кого же следует назначить наследником? — Сказав это, Сяо И устремил взор на главнокомандующего кавалерией Гу Чжао.

— Этот слуга полагает, что вопрос о наследнике — дело великой важности. Ваше величество медлит с указом, наверное, имея свои соображения. Все принцы по-своему хороши, у каждого есть свои заслуги. Старому слуге не подобает легкомысленно судить, уповаю на вашу мудрость, — склонился Великий наставник Цзи.

— В докладах последних дней сановники называют лишь второго и пятого принцев. Великий наставник, ваш меморандум до сих пор не представлен. Что вы думаете об этих двоих? — Говоря это, Сяо И по-прежнему смотрел на Гу Чжао.

— Внутри [семьи] не избегают родных, вовне — не избегают врагов. Старый слуга полагает, что оба достойны важной задачи, могут быть облечены важной задачей. Решение зависит исключительно от вашего священного сердца, — слова Цзи Ланфэна звучали прямо и благородно, но кто мог знать, какие мысли таились в сердце этого старца, служившего трём поколениям.

— Этот слуга полагает, что второй принц может свершить великое. И в гражданских науках, и в воинском искусстве он первоклассен, прям и благороден, воистину годится в мудрые правители. Но временами он излишне прямолинеен, ему требуется закалка, — наконец заговорил Гу Чжао. Слова его были такими же прямыми и непреклонными, как и его характер.

— У меня семь сыновей, а вы, сановники, разглядели только двоих?

— Ваше величество, этот слуга полагает, что седьмой принц, хоть и молод, но умен, проникателен, почтителен и соблюдает ритуал. Через несколько лет он тоже может стать прекрасным кандидатом, — произнёс тот, кто был когда-то бедным крестьянином, а затем в одиночку одержал бесчисленные победы, — великий полководец Хэ Тинъюй.

— А вы, Великий наставник Инь, что скажете? Вы ведь учили всех этих детей и, должно быть, знаете их лучше, чем прочие сановники.

— Этот слуга полагает, что седьмой принц, хоть и юн, но обладает обликом дракона и феникса. Увы, тело его слабо, не снести ему такой ноши. Шестой принц в юности много размышляет, не любит говорить, не общается с людьми. Второй принц слишком прям, благороден и открыт, но чересчур твёрд и непреклонен, — сказал Великий наставник Инь Чжунлинь.

— У меня семь сыновей, а ты сразу троих забраковал. Ну а как насчет остальных четверых? — Сяо И внезапно заинтересовался, и брови его немного разгладились.

— Этот слуга полагает, что из оставшихся четверых, раз ваше величество изволили сказать, что следует избегать подозрений в пристрастии, я должен исключить четвертого принца. Насчёт старшего и третьего принцев ваше величество уже имеет суждение. А пятый принц сохраняет спокойствие при любых переменах, во всём предугадывает замыслы людей и действительно может взвалить на себя эту ответственность.

— Значит, и Великий наставник Инь, и Великий наставник Цзи склоняются к пятому принцу? — Сяо И кивнул и поднялся. — В следующем месяце, после дня поминания императрицы Цзяюань, вы узнаете, кого я прочил в наследники. Заседание окончено.

Эти слова мгновенно взбудоражили всех сановников. За пределами зала они тут же сбились в кучки по трое-пятеро, обсуждая случившееся. Великий наставник Цзи Ланфэн подошёл к

Великому наставнику Инь Чжунлиню и, сложив руки, сказал:

— Осмелюсь спросить, удостоюсь ли я чести пригласить великого наставника в мой убогий дом для беседы?

— Если великий наставник приказывает, как посмеет Чжунлинь не подчиниться? — С этими словами они вышли за дворцовые стены.

Закончив аудиенцию, Сяо И направился в Западный павильон — место, где учились принцы. Он шёл неспешно и увидел, как седьмой принц прислонился к двери, подслушивая разговор внутри.

Дун Сяолинь из Академии Ханьлинь вёл занятие. Он говорил:

— Тридцать лет назад Поднебесная была разделена на четыре части: Северные земли, Силян, Дунлин и государство Дянь. Из них только Северные земли нельзя было назвать цельным, единым государством — то был союз кочевых племён. Северные кочевники по обычаям схожи, но каждый служил своему хозяину, вечно враждовали и воевали, потому долго не могли объединиться. Позже появился герой по имени На Чжэнь, заставивший все племена покориться. Они стали почитать его и договорились сообща отражать внешних врагов. Северные земли занимали выгодную местность, их легко было оборонять, но трудно атаковать, степи были необъятны. Но они много воевали и убивали, потому часто небольшие группы беженцев пробирались в три других государства, и каждое государство относилось к ним по-разному.

— Я знаю, знаю! В прошлый раз, когда я был в доме Инь, видел двух здоровенных северян, которые таскали камни для искусственной горы! У нас, в Дунлине, наверное, к северным беженцам относятся дружелюбно, правда?

Сяо И подумал: вот и Чжэн всё такой же прямой. Мать четвёртого принца Сяо Чжэна, наложница Инь, была дочерью Великого наставника Инь Чжунцина, потому он часто бегал играть в дом деда.

<http://bllate.org/book/15946/1425483>